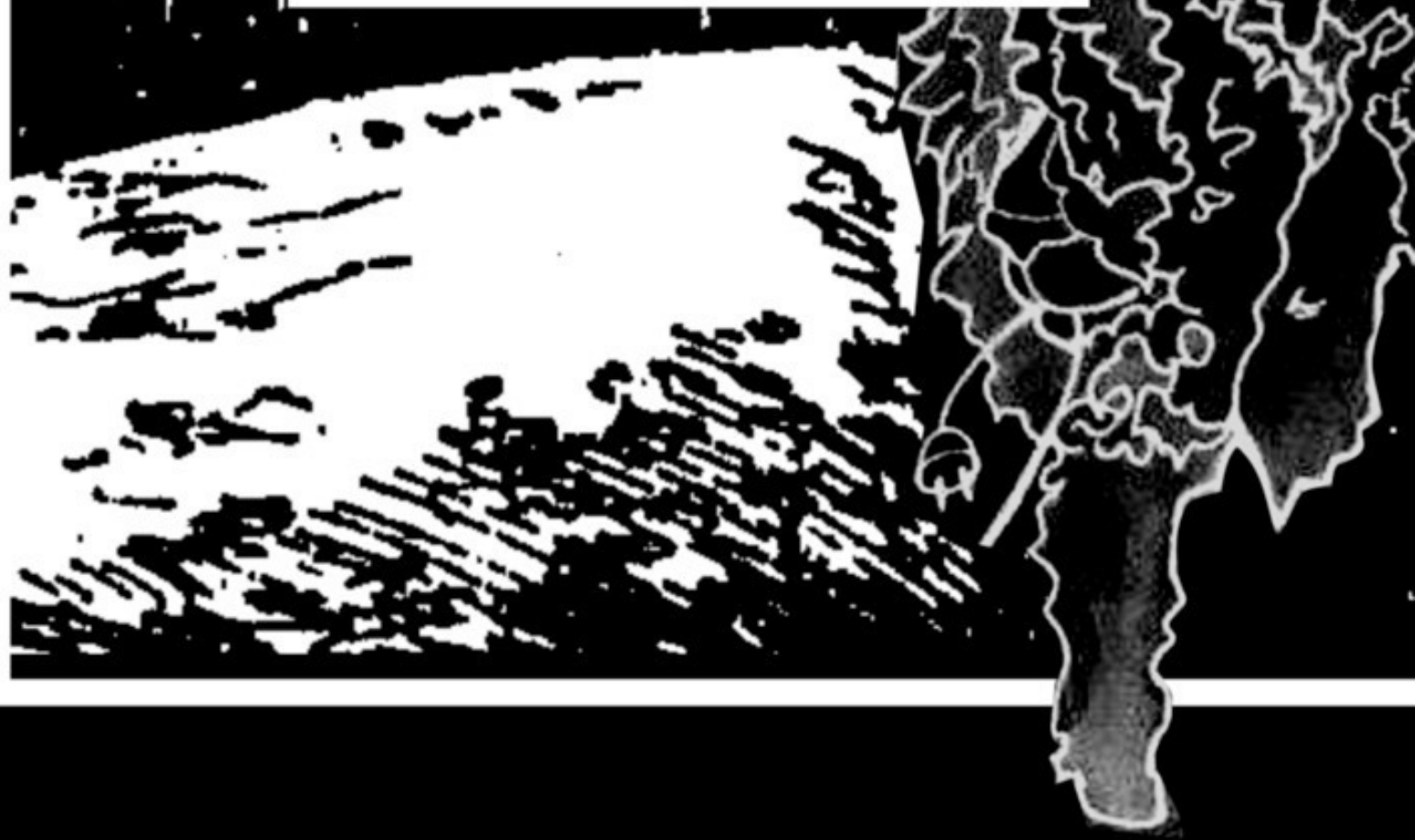

Василий Чибисов

Собачье озеро

*иронический
хоррор*

Василий Чибисов

**Собачье озеро.
иронический хоррор**

«Издательские решения»

Чибисов В. В.

Собачье озеро. иронический хоррор / В. В. Чибисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831218-2

Психика пациента — это лабиринт, где за поворотом вас поджидает большая, чёрная, лохматая собака. В чём состоит задача врача? В том, чтобы привести пациента к выходу? Вовсе нет. Проследить, чтобы собака не сбежала из лабиринта.

ISBN 978-5-44-831218-2

© Чибисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Медвежатники и археологи	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Собачье озеро иронический хоррор Василий Васильевич Чибисов

*И отдаленный, едва слышимый
лай какого-то огромного пса
продолжает мучить меня.*

Лавкрафт. Собака

*Нет!
Это не животное и не человек
меняются взглядами...
Это две пары одинаковых глаз
устремлены друг на друга.*

Тургенев. Собака

© Василий Васильевич Чибисов, 2016

ISBN 978-5-4483-1218-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Медвежатники и археологи

Психологический центр «Озеро»
2017, январь, 15

Что только ни делает человек, чтобы проникнуть в собственное бессознательное. Спрашивается – зачем ты туда лезешь? Написано же: не влезай, сойдёшь с ума! Где написано? В любой истории болезни.

Особенно если это история болезни не пациента, а врача. Потому что плох тот пациент, который не мечтает втянуть терапевта в свой психоз. Объединив усилия, эти медвежатники эпохи романтизма могут вскрыть любой сейф с помощью топора и шпильки. Только вместо бриллиантов чистого разума и слитков здравого смысла из сейфа выскочит большая чёрная...

– Собака!

Сегодня на приём пришёл какой-то подозрительно нормальный пациент. Ни вскрывать сейфы, ни копаться в своём бессознательном он не спешил. Утонул в большом мягком кресле – и спит богатырским сном. Уже двадцать минут прошло, а он и бровью не ведёт. Лишь изредка что-то бормочет. Таких не берут в медвежатники. Кто же будет сейфы взламывать?

– Собака.

Светлана Александровна Озёрская пристально посмотрела на спящего в кресле пациента. Уже пятый сеанс психотерапии заканчивался ничем.

Кроме агрессивных медвежатников, существуют ещё археологи. Любители превратить психическую помойку в место долгих и тщательных раскопок. В археологическое капище. Если повезет, на пятом-шестом году терапии отроют чей-нибудь аппетитный череп. И будут страстно делиться с врачом своими ощущениями по поводу находки. Ах, бедный Йорик, бедный я, бедное сверх-я, бедные родственники... А про бедного специалиста кто подумает?

Но и археологом сегодняшний пациент не был. Он пришел с конкретным запросом. Пришел по личной рекомендации. Пришел, только когда испробовал все способы решить проблему. Пришел без особых надежд и иллюзий. Пришел, чтобы сбросить маску с недуга, претворяющегося обычной бессонницей и боязнью собак.

Жаль, что вся решимость пациента бросить вызов своим ночным страхам растворялась на десятой минуте сеанса. И он засыпал. Уже в пятый раз.

Впрочем, у Светы не было повода волноваться. Клиент честно оплачивал все ушедшее на сон время. А спать он мог по два-три часа. Пусть отдыхает, раз уж приземлился в хвосте расписания.

Бессонница никому не идет на пользу. Кроме отдельно взятых гениев. Янковский не был гением. Он был героем. Ветераном финансового фронта. Ему принадлежал весь рынок военной микроэлектроники. Точнее, он заменил собой этот рынок. У Станислава был отменный олигархический нюх, которому позавидовала бы...

– Собака.

Многие разговаривают во сне. Безгрешное и приятное занятие. Никто не перебивает, не переспрашивает, не требует ответить за базар. Среди спящих попадаются настоящие ораторы, которые из нечленораздельного бормотания отливают монументы красноречия.

Содержание сонного монолога не обязано соответствовать сюжету сна. Вроде человек только что разбудил свою благоверную пламенной речью о всемирном заговоре машин, французов и пингвинов. А снились ему гонки на кенгуру по пересеченной местности.

Что снилось Янковскому, до сих пор узнать не удалось. Проснувшись, он поспешно расплачивался и убегал по своим олигархическим делам. Дел у него и правда было по горло.

Несмотря на свои польские корни и три десятка лет жизни в Европе, Станислав оставался беззаветно предан России, ее ВПК и своему бизнесу.

Никаким топ-менеджером он не доверял. Наймешь человека с опытом, с квалификацией, с понтами, со связями. А как дойдет до кризисной ситуации, так окажется, что этот менеджер – самая настоящая...

– Собака.

Спящий беспомощно улыбался, дыхание было ровным и мечтательным. Мысли о судьбах отечества не терзали его в эти редкие часы.

Станислав имел полное моральное право на отдых. Его конкуренты уже давно были либо надежно рассажены по российским тюрьмам, либо не менее надежно уложены по российским же канавам.

Этот не то польский, не то русский гусар свято верил, что больше никто не способен организовать производство сложнейших пьезокерамических элементов. Эта вера в себя и в свою миссию заставляла фанатично вгрызаться в военную промышленность. Там, где другие выискивали лакомые куски мякоти, Янковский перемалывал самые крепкие кости и хребты.

Олигарх-патриот – товар редкий, штучный. Кроме Станислава Янковского, Россия знала еще двоих, имена которых часто с придыханием повторяла: Елена Ерофеева и Илья Храбров.

Клан Ерофеевых возводил заводы, жилые дома, офисные кластеры, экспериментальные школы, больницы. Именно возводил, а не строил. В самых суровых условиях, в наиболее отдаленных участках необъятной родины, посреди разверзшегося экономического кризиса.

Храбров же снабжал ГРУ и ФСБ самым современным шпионским оборудованием, оптикой и беспилотниками со сложным роевым интеллектом.

Остальные олигархи смотрели на своих не в меру активных собратьев как на буйно помешанных. Ждали момента, чтобы подгадать. Дождались. Очередной акт чудовищно честных и до безобразия прозрачных выборов вылился в массовые акции протеста. И именно на патриотическую тройку рабочих лошадок набросились все СМИ: и либеральные, и провластные. В каких только преступлениях не обвиняли Янковского! О его воображаемой армии венгерских наемников теперь знала каждая...

– Собака.

Светлана стала мысленно листать историю болезни. Никаких записей о клиентах – золотое правило психотерапевта, консультирующего российскую элиту. Память у Озёрской была отменная, закалённая в боях за международное признание. Она помнила всё. В случае с Янковским и запоминать-то было нечего. Его история болезни совпадала с анамнезом всей страны.

О небывалом подъеме протестных настроений, да еще в разгар новогодних праздников, говорили все. Волны забастовок катились по России, парализуя военную промышленность с ее сложными производственными цепочками.

Обстановка накалялась. Пятую колонну уже никто не боялся, поэтому власть в унисон с церковью объявила оппозицию слугами антихриста. И все это было бы смешно, если бы не слухи. Кремль якобы заключил контракт с австрийским демонологом. Конечно же, никакого демонолога никто не видел в глаза. Все пошумели и сошлись на том, что оплата услуг охотников на ведьм – очередной повод для распила.

Тем не менее, массовая истерия медленно, но верно набирала обороты.

Социально-политические страсти неминуемо находят отклик в страстях душевных. Особенно у тех, кто имеет прямое отношение к действующей власти. У Станислава пропал сон. Даже дневной. Поначалу это радовало. В столь сложное время надо было постоянно куда-то лететь, с кем-то договариваться, кого-то устранять...

Но и в часы отдыха мозг отказывался ослаблять хватку рациональной активности. Словно психика из последних сил стояла на страже, пытаясь не выпустить в наш мир какое-то страшное

знание. Практически сразу подключилась фобия. Страх ради страха. Янковскому было все равно, чего бояться: темноты, старух, собак.

Особенно собак. Раньше олигарх был заядлым собачником. Но сейчас близко бы не подошёл даже к таксе. Ему пришлось отправить своего ризеншнауцера к родственникам в Польшу. Разлука далась тяжело, но ещё тяжелее было находиться в одной квартире с псом. Один вид лохматого животного внушал бизнесмену суеверный ужас. Сам Янковский в последнее время чувствовал себя, как побитая...

– Собака.

Светлана смотрела на снегопад. Белые хлопья мстили политикам за их грязь, устилая пространство чистым незапятнанным ковром.

Интересно, почему пациент во сне с таким отрешенным упорством буквально призывает объект своего страха? Если кто-то боится собак, то сон с этими животными должен превратиться в кошмар. Логично? Только не для психотерапевта. Психика любит защищаться от болезненных воспоминаний. А лучшая защита, как известно, – нападение. Поэтому разум заранее вытесняет прочь нежелательные мысли.

Уничтожить мысль невозможно, зато можно изгнать, затолкать поглубже в бессознательное. Но изгнанник не будет сидеть, сложа руки (или что там у мысли есть?). Вытесненная память наладит тайные коммуникации с вполне невинными фантазиями, сновидениями, образами. И вот уже готов мост из бессознательного в сознание. Но разве можно обмануть собственную психику? Распознав уловку, наша внутренняя цензура делает всю цепочку неприкасаемой. Так возникает фобия.

Боязнь собак еще ни о чем не говорит.

Озёрская мягко, в такт своим тягучим мыслям, постучала по оконному стеклу. Звук нагло воспользовался повисшей тишиной и ворвался в акустическую жизнь кабинета тревожным набатом. Света медленно отвела руку от окна, из которого ничего уже не было видно, кроме белого безумия.

– Собака.

Врач обернулась. Пациент проснулся и, напряженный и встревоженный, сидел в кресле прямо, словно аршин проглотил. Его руки хаотично меняли положение, то оказываясь сложенными на груди, то падая на бедра, то цепляясь за подлокотники.

– Вам снилась собака? – дождавшись, пока Янковский успокоится, спросила Озёрская.

– Ещё какая, – с показной небрежностью бросил пациент и посмотрел на часы. – Что? Всего сорок минут прошло? Я же обычно дольше сплю. Вы меня специально разбудили?

– Нет. Я просто постучала по стеклу. Сама не ожидала, что получится громко, – честно призналась психотерапевт.

– Понятно. Я от такого звука в детстве часто просыпался и плакал. Меня прадед успокаивал. Разве я Вам не рассказывал про свое детство?

– Вы мне вообще почти ничего не рассказывали. Только спали.

– У Вас здесь хорошие условия для сна, – сознание Янковского пыталось экстренно прервать поток воспоминаний.

– Постарайтесь сейчас выговориться. Вы же сюда за этим пришли.

Пациент ещё молчал, но уже не хотел молчать.

– Да что тут выговаривать? – отмахнулся олигарх. – Неприятные эти были годы, мутные, нищие. Советский союз, Польша под пятой коммунистов. Ни оставаться в СССР, ни к родственникам уехать. Так и металось мое семейство. Отца расстреляли, когда мне было три. Я помню только, как мы с пугающе спокойной матерью куда-то едем в поезде. Потом еще поезд. И еще поезд. В общем, кое-как добрались до маленького поселка, где мой прадед жил. Да только он нас сам чуть не расстрелял.

– Прадед?

– Прадед, – руки Янковского опять стали обследовать ближайшие поверхности. – Он обитал в старом домишке. Всё, что осталось у него после раздела Польши. А ведь клан Янковских управлял настоящей промышленной империей, пока усатый с припадочным не сговорились. Все заводы остались на востоке, в руках большевиков. Но прадед загодя перебрался в неприметный поселок, к западу от новой границы. Там и переждал всю войну спокойно.

– Не воевал?

– Нет. Отказался. Вот его сын, то есть мой дед, погиб, сражаясь в рядах Крайовы.

– Просто взял и отказался?

– Да, сослался на возраст. Кстати, никто не знал достоверно, сколько ему лет. Но он и тогда уже был далеко не молод, если верить рассказам. И нацистов гораздо больше интересовали наши семейные предания. Очень повезло, что наш клан оказался на территории Рейха. Это Сталин не верил ни в бога, ни в черта. А НСДАП выделяла миллионы на изучение всякой мистики.

– Боюсь, я немного не поспеваю за Вашей мыслью.

– Мне просто кажется, что я всё это Вам уже рассказывал. Разве нет? – Озёрская покачала головой. – Нет?! Значит, мне все это снилось. Ну точно. Я ведь здесь спал? – Озёрская кивнула. – Спал?! Всё смешалось. Эти сны. Они такие подробные, такие невыносимые.

– Невыносимые, потому что реальные?

– Да. Меня затягивает в прошлое. Со страшной силой. Я забываю, что делал час назад, но детские сцены вижу ясно. Зачем мозг заставляет меня переживать все это снова? Неужели я схожу с ума, доктор?!

– Если бы Вы сходили с ума, то друзья порекомендовали бы Вам не меня, а Игнатия. Поверьте, безумие не задает лишних вопросов. И никогда не отвечает. Если уж психика дала трещину, то можно только замедлить или сгладить распад личности. Это в лучшем случае. Как правило, врачам остаётся только наблюдать, изучать, писать статьи, делиться опытом. Безмолвие.

– Тогда что со мной?

– Вы сами знаете ответ: память разбушевалась. Это норма. Посмотрите, что творится в стране. Тут каждого второго можно заподозрить в паранойе. Тяжкое зрелище. Ваша психика сохранна и целостна. Просто усталость, тревога, моральное истощение. Вот прошлое и хочет напомнить о себе.

– И что будем делать?

– Уже делаем. Разговариваем. Освещаем темные углы памяти, выметаем оттуда всю пыль, грязь, кровь, снег...

– Нда. Снега к ночи будет много. Вот такая же зима была, когда мы к прадеду приехали.

– Которого нацисты очень ценили?

– Скорее побаивались. Ходили же легенды по всей Польше, что Янковские с лесной жутью водятся. Поэтому и живут в доме на отшибе, у самой границы дремучего леса. Да только ерунда все это! До раздела страны все Янковские жили в крупных городах и управляли... Про промышленную империю я уже говорил? – кивок. – Так что лес прадед увидел впервые только в 1939. И охотно кормил байками нацистских любителей мистик. Дурачил им головы по полной программе, в общем.

– А новые власти?

– Коммунисты как-то его потеряли из виду. Может, забыли. Может, старые связи помогли. В общем, мы оказались в маленьком поселке, почти на самой границе Украинской ССР и Польши. Никому не нужные, никому не интересные. Но живые. Самый старший и самый молодой.

– А мать?

– А мать он выгнал.

– Как?!

– А не признал. Отец же не спросил согласия на женитьбу.

– Разве была возможность?

– Да даже контакта не было. Это сейчас скайп есть даже у столетних бабушек. А тогда...

Но, едва нас увидев, прадед схватился за ружье. Помню, как он кричал что-то про ведьму и гнилую кровь. Будто мать чуть ли не своими руками донос на отца написала... И больше я ее не видел.

– Она умерла?

– Для меня – да. Когда архивы открыли, я по своим каналам собрал всю информацию. У нее половина городского исполкома в любовниках ходила. Да и сама она была яркой коммунисткой. Когда пошла новая волна охоты на врагов народа, она быстро уловила суть: брак с выходцем из семьи польских промышленников... Надо было отречься как минимум. Или как максимум... Вот она и пошла по максимуму. Вы меня слушаете?

– Да. Я пытаюсь посчитать, какой это был год. Сталина Вы застать не могли. А там Хрущев, оттепель.

– То, что оттепель, еще не значит, что никого не расстреливают. Шестидесятые годы, братские республики из Варшавского Договора захотели свободы. Само по себе преступление.

Повисло молчание.

– Так. Вьюга утихла. Надо лететь, пока есть возможность, – Янковский достал бумажник.

– Лететь?

– Конечно. Это каждому мелкому чиновнику по тридцать две мигалки положено. А мне надо радоваться, что живу. Да если бы и была мигалка. Дороги чистить кто будет? Бастующие снегоуборщики? Или разбежавшиеся от гнева осмелевших нациков мигранты? А вертолет стоит сущие копейки. Даже военный.

– Военный?!

– Акула. Кстати, с полным боекомплектом. На всякий случай. Простите, что не предлагаю прокатиться. Он одноместный.

– Ничего, ничего, – облегченно вздохнула Света, панически боявшаяся высоты. – Но Вы завтра обязательно прилетайте.

– Обязательно. Сколько с меня?

– Как за стандартный сеанс. Сегодня мы уложились в час.

– Вот видите, как вредно спать. До свидания.

– До свидания, – Светлана выглянула в пустой холл и проводила Станислава к выходу. Администраторам такую деликатную задачу никогда не доверяли, ведь именно в дверях у пациента часто наступает дополнительное озарение. Вот опять.

– Я проснулся от Вашего стука по стеклу, помните? И еще сказал, что в детстве по ночам так же просыпался.

– Конечно, помню.

– А я говорил, кто стучал в окно?

– И кто же?

– Собака.

Янковский расправил плечи, сбрасывая с себя груз человечности. И двинулся к вертолетной площадке, утопая по колено в сугробах, с величием настоящего польского маршала, ведущего в последний бой свою армию Крайову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.